

ВЕРГИЛИЙ И АВГУСТ

Проф. Н. Ф. Дератани

К вопросу о проблеме власти и о патриотических идеях
в Риме I в. до н. э.

Известно, что развитие рабовладения, торгового капитала и денежных отношений как в Греции, так и в Риме разлагало единство рабовладельческой гражданской общины, усиливало индивидуалистические тенденции, разрушало старинную родовую мораль и традиционную веру. Эти неизбежные в ходе исторического процесса явления постоянно вызывали в античной художественной и философско-политической литературе реакционно-романтические призывы к патриархальной сплоченности и согласию, к проявлению гражданских чувств, к старинной морали.

В Риме в I в. до н. э. ожесточенные гражданские войны, охватившие также и класс рабов, еще более обостряли, особенно в среде землевладельческих слоев, страдавших от гражданских войн, реакционно-романтический идеал-мечту о «золотом веке», о возврате прежнего «согласия», и патриархального уклада жизни и, как и в Греции, содействовали укреплению монархической идеи. Если в Греции монархические тенденции привели к легкому подчинению македонской монархии, в Риме они приводили к пезаризму.

В Риме конца республики все сильнее ставилась давно обсуждавшаяся в Греции проблема власти единого вождя. Этот ожидаемый вождь, как и в Греции, рисовался всеми чертами «справедливого царя», но в Риме он мыслился (особенно в среде землевладельческих слоев) прежде всего спасителем от междоусобий, притом опирающимся на республиканский сенат, как на людей «лучших»; кроме того, его образ часто окрашивался в философские стоические тона.

Образ «демократического» вождя, защищающего свободу рабовладельцев, ясно представлен, например, у Саллюстия. Он хвалит древних царей, лишь пока они охраняли свободу и отечество при наличии сената; когда же их власть выродилась в надменное господство, тиранию (*in superbiam dominationemque*), а надменность (*ὕβρις*) — исконно типичная черта тирана, — тогда была установлена власть двух консулов, «чтобы путем своеволия человеческий дух не впадал в надменность» (*Cat.*, VI, 6—7). Далее Цицерон, превознося полибиевский смешанный тип государства, из несмешанных видов признает лучшим особую монархию; его вождь — «умеритель государства» (*moderator rei publicae*, *De re p.*, V, 6, 8), правитель отечества (*patriae rector*, II, 26/47); он заботится о благе граждан, дает государству мощь, славу, проявляет доблесть (*virtus*, II, 10, 17),

он—родитель для народа (*parens populo*, II, 26/47), но он должен опираться на сенат, совещаться с «лучшими». Цицерон хвалит Ликурга в Греции, а в Риме Ромула за то, что последний создал две опоры государства (*duo firmamenta rei publicae*): ауспиции и сенат (II, 10, 17). Антитезой такому принцепсу (*princeps civitatis*¹), и по Цицерону, является тиран (*dominus*), в которого этот принцепс может превратиться².

Задача настоящей работы показать, как возникшая в Риме проблема единой власти, унаследовавшая из Греции типичные различия «демократического вождя» и тирана, отразилась в творчестве Вергилия и на его отношении к власти Августа. Здесь мы займемся преимущественно анализом «Энеиды», которая является чрезвычайно показательным художественно-политическим памятником бурной переходной эпохи Рима.

Многочисленные исследователи Вергилия специально не занимались этим вопросом³; а его решение проливает более яркий свет на римскую политическую мысль эпохи Августа. Вместе с тем раскрытие этой проблемы дает возможность определить характер патриотизма Вергилия на фоне патриотических идей его времени.

Известно, что ранний Вергилий вместе с другими землевладельцами, страдавшими от гражданских войн, высказывает протест против всякой гражданской войны, против «несогласия» граждан, в результате которого «варвар завладеет римскими полями», как жалуется Мелибей в «Буколиках» (1, 72 сл.). В это время идеал Вергилия — деревенская жизнь земледельцев, далеких от гражданских распрей; только они питают его патриотизм. Участники гражданских войн «стараятся разрушить свой город и несчастных пенатов» (*Georg.*, — II, 505), меняют свои дома и милые им пороги на изгнание и ищут себе отечество под другим небом (*ib.*, II, 511). Патриот только земледелец, который, разворачивая землю кривым плугом, этим поддерживает отечество и малых пенатов (*ib.*, 513—515). Отгалкиваясь от современной ему шумной жизни города и идеализируя деревню, Вергилий уже в «Георгиках», естественно, прославляет римскую героическую старину и отчасти туда переносит свой патриотизм. Даже в патриотическом славословии Италии (*Georg.*, II, 136—178), которая величается им в чертах, «золотого века»⁴, он главное внимание обращает на земледелие и на старинную доблесть Дециев, Мариев, Камиллов, Сципионов и заканчивает свое прославление восклицанием: «Здравствуй, Сатурнова земля, великая родительница плодов, великая родительница мужей». Отсюда—мечты раннего Вергилия о «согласии» граждан и об общем патриотизме под эгидой единой власти, будущим носителем которой представлялся Октавиан. В «Георгиках» этот идеал конкретизируется, как известно, в картине жизни пчел (*Georg.*, IV, 149—227). У них полное единомыслие (*mens omnibus una est*); у них все общее; добытое они складывают для общего пользования, отдыхают вместе и работают вместе. С намеком на современность Вергилий подчеркивает, что только одни пчелы знают свое отечество

¹ Так называет такого цicerоновского монарха Августин (*De civ. dei*, V, 43).

² Там же, II, 26 (47). См. работу Эд. Мейера «Caesars Monarchie u. das Principat des Pompeius». Stuttgart u. Berlin, 1922, стр. 182—185, а также литературу в САН. IX, стр. 623; о Цицероне стр. 943, 960, 963, о Саллюстии стр. 958.

³ V a t r y, Discours sur la fable de l'Énéide, 1753; S a i n t e - B o e u v e, Etude sur Virgile, Paris, 1870; O. R i b b e c k, Geschichte d. röm. Dichtung, II, Stuttgart, 1889; H. G e o r g u, Die politische Tendenz der Äneide Vergils, Gymnasialprogr. Stuttgart, 1880; E d. N o r d e n, Vergils Äneis im Lichte ihrer Zeit, Neue Jahrb. für das klass. Altert., 1901; H e i n z e, Vergils epische Technik, B., 1908; Г. Б у а с с е, Римская религия от времени Августа до Антонинов, М., 1914; C a r t a u l t, L'art de Virgile dans l'Énéide, P., 1926 и др. См. еще литературу в последнем издании истории римской литературы Schanz—Hosius.

⁴ Как я показал в моей статье *Virgile et l'âge d'or*, R. Ph., 1931, стр. 128 сл.

и определенных пенатов; у них один любимый имя царь, которым они «восхищаются» и за которого умирают. Здесь, несомненно, разумеется стоическое «единомыслие» (*ὁμόνοια*) и стоический «справедливый вождь». Это доказывается тем, что в дальнейшем рассуждении Вергилий ссылается на мнение «некоторых (*quidam*), которые на основании вышеуказанных особенностей жизни пчел представляют их обладающими частицей «божественного разума» (*divinae mentis*) и божественного эфира, разлитого в природе (ст. 219—222). Стоицизм этого описания подтверждается и всей пифагорейско-стоической концепцией 6-й песни «Энеиды», где употребляется даже стоическая терминология¹ и где, вероятно, не случайно души, ожидающие своей очереди появиться на свет, сравниваются именно с пчелами (VI, 707—709). Стоицизм вытеснил у Вергилия его ранний эпикуреизм.

После прекращения гражданских войн и прихода Октавиана к власти для Вергилия наступает «Золотой век» (который рисуется им в 4-й эклоге «Буколики»)². Патриотизм Вергилия расширяется и усиливается. В «Энеиде», оглядываясь на прошедшую гражданскую войну, Вергилий снова клеймит позором все ее проявления, считая ее, как и раньше, прежде всего непатриотичной. Смертоносная война (очевидно, гражданская) и «безумное несогласие» (*discordia demens*) в «Энеиде» представляются стоящими у входа в подземное царство (Aen. VI, 280). Катилина изображается на щите Энея «висящим на грозном утесе и дрожащим перед лицами фурий» (*ib.*, 668). В подземном царстве терпят наказание за то, что продают отечество за золото³; наоборот, блаженствуют в Элисиуме получившие раны за отечество (*ib.*, VI, 660 сл). Анхис порицает войну Цезаря с Помпеем и говорит: «Не привыкайте, дети, к таким войнам, не обращайтесь своих мощных сил против отечества» (*in viscera patriae, ib.*, VI, 833—835). С точки зрения Вергилия как рабовладельца, в преисподней наказываются и рабы, восставшие против своих господ (*nes veriti dominorum fallere dextras. Aen.*, VI, 613). Теперь при Августе «безбожная ярость» (*furor impius*) скована «сотнями медных оков» (Aen., I, 291—296), а сам Август рисуется Вергилию величайшим патриотом, так как он прекратил гражданскую войну и установил высшее «согласие» граждан. Но какой должна была быть, по предательству Вергилия, новая власть принцепса? Проблема единой власти беспокоила не только Вергилия, но и всех политических деятелей, окружавших Октавиана. Эта проблема была поставлена, как известно, на совещании, описанном Дионом Кассием (*Hist. rom.*, LII). Речи Мecenата и Агриппы на этом совещании, вероятно, стилизованы и украшены риторикой, но в духе античной историографии должны иметь историческое зерно. Интересно отметить, что в этих речах, как и в речах персидских вельмож у Геродота, ясно проводится та же волновавшая в эпоху Августа антитеза тирании и «популярной монархии». Такую популярную монархию советует Агриппа, но при этом монархию в римских условиях, опирающуюся на сенат и на всадников (*Dio Cass.*, LIII, 14), а не тиранию с ее рабством: «трудно от свободы переходить к тирании и освобожденные народы обращать в рабство» (*ib.*, LIII, 5, 4). И Мecenат рекомендует против «дерзости толпы» совет сената. В 27 г. и сам Август в своей речи при отказе от власти тоже рисует себя чертами «демократического вожды»

¹ См. известную книгу Эд. Нордена «Aeneis Buch» VI, L., 1903, стр. 153. В тех же «Георгиках» (IV, 125—146) каким-то стоическим мудрецом представлен киликийский старик-садовод, питавшийся одними плодами и представлявший себя таким же богатым, как цари (*Regum aequabat opes animis*).

² См. указанную выше мою статью в RPh.

³ VI, 621. Здесь, вероятно, разумеется Антоний, см. примечание к этому месту Эд. Нордена.

(ib., LIII), патриотом и умиротворителем, который даровал желанное «согласие» (*ἁρμόσιον*) граждан; он не узурпатор; он не стремится к самовластию; граждане при нем наслаждаются миром и свободой; он готов отдать власть «лучшим и умнейшим» (*ἄριστοις καὶ φρονιμωτάτοις*), т. е. сенату; он спас родину от бед; он не стремился к наживе, он ставит отечество выше всего. Впоследствии и в *Res gestae* Август подтвердил, что он не узурпатор, заявляя, что он «с общего согласия» овладел властью (*per consensum universorum*, с. 34). Такая же традиционная антитеза «демократического справедливого вождя» и «тирана», на которую ориентировались в начале власти Августа, хорошо была известна Вергилию; она проходит в характеристиках вождей и в его «Энеиде».

Прежде всего показывается их патриотизм. Эней по-ораторски приводит Дидоне (II п.) целый комплекс аргументов, доказывающих неизбежность принятия в Троию деревянного коня и необходимость бегства из родного города¹.

Гектор, явившийся Энею во сне, успокаивает его, заявляя: «достаточно воздали отечеству» (II, 291), Эней готов убить Елену — эту эринию для отечества, чтобы отомстить за родину (II, 573, 576). Эней вынужденно покинул родину; он проливает слезы, рассматривая в Карфагене картину, изображавшую взятие Илиона². Чтобы усилить патриотизм Энея, Вергилий изображает пенатов, явившихся Энею, которые объясняют ему, что настоящее отечество Энея не Троя, а Италия: «Там наше местожительство; оттуда Дардан и отец Иасий, наш родоначальник»³. Идея патриотизма движет всеми действиями Энея. В объяснении с Дидоной он заявляет, что Аполлон повелел ему плыть в Италию: «здесь предмет моих желаний; здесь отчизна» (*hic amor, haec patria est*, IV, 347). А это новое отечество пришлось завоевывать; отсюда в представлении Вергилия война Энея против италийцев в высшей степени патриотична. Но и италийцы ведут войну для защиты своей родины. Таким образом, идеи патриотизма Вергилий распространил на все действия в Энеиде.

Патриотизм — одна из традиционных черт демократического вождя, каким, как мы увидим, рисует Вергилий Энея. Этой чертой обладает, например, Этеокл у Эсхила («Семь против Фив») — защитник родных Фив от нападения. У Вергилия горячий патриот и Анхис; он не хочет «терпеть изгнание» (II, 638); он даже согласен остаться без погребения (*facilis iactura sepulchri*, II, 646).

Другая традиционная черта — благочестие; она отличает «демократического» вождя от тирана; например у Эсхила тиран Ксеркс сжигал храмы греческих богов («Персы»); обрисованные тиранами греческие вожди, нападавшие на Фивы, все безбожники, кроме Амфиарая, который чтит богов. Благочестие Энея известно; вся Энеида насквозь религиозна⁴.

¹ Здесь кстати указать (что не было замечено исследователями Вергилия) на чисто Вергилиевскую градацию (ср. Heinze, ук. соч., стр. 372 сл.) — яркий показ того, как от колебания в отношении принятия коня, усилившегося выступлением Лаокоона, троянцы пришли к решению ввести коня в город: подействовала речь Синона, который умышленно показан искусным опытным оратором (см., напр., анализ речи Синона в работах М. М. Покровского — в его «Истории римской литературы», М.-Л., 1942, стр. 203 сл. и в REB, Avril—Juin, 1927, стр. 172, 174); ему поверили (ст. 196: *credita res*), «пленные его хитростями и притворными слезами»; далее еще более сильный стимул — наказание Лаокоона, пророчество Кассандры, — в результате уже «все разом кричат» (*conclamant*) ввести коня (ст. 233).

² Это вынужденное бегство из родины сближает Энея с Дидоной, такой же беглянкой, и тем более содействует возникновению у Дидоны любви к Энею. О сходстве своей судьбы с судьбой Энея Дидона говорит сама: I, 628—630.

³ III, 167 сл.; см. Г. Буассье, ук. соч., стр. 225.

⁴ См. Г. Буассье, ук. соч., стр. 225.

Латин—сам благочестивый, боится сражаться с «родом богов» (XI, 305); благочестив и Эвандр, совершающий все обряды.

Третья черта — доблесть (*virtus*), каковой отличались и вожди Эсхила — Пеласг и Этеокл. Эней, обращаясь к Асканию, говорит: «Учись, мальчик, у меня доблести и истинному труду» (XII, 435). Донат в комментарии хорошо отмечает, как в своем рассказе Эней старается выставить перед Дидоной свое личное мужество и доблесть. И Турн хвалится своей доблестью, говоря: «Я, Турн, не уступающий никому из предков в своей доблести» (*virtute* — XI, 444).

Четвертая черта—справедливость (*iustitia*). Дранк не знает, удивляться ли ему справедливости Энея или его военным подвигам (XI, 126). Это черта и Латина, как и пятая черта — гуманность, милосердие (*clementia*). Это та черта, которой по преимуществу наделяли «справедливого» царя стоики. Эта черта, которую, как известно, настойчиво впоследствии пропагандировал Сенека, который больше других отличает такого вождя от тирана. Мягкосердечен Латин; Эней отличается милосердием. В «Илиаде» Ахилл сразу поражает Гектора насмерть и остается глух к его мольбам (XXII, 345—354); Эней сначала поражает Турна в бедро, и, когда Турн просит о пощаде, Эней «удержал руку и его, медлящего, все более и более стала склонять речь Турна» (XII, 939); лишь когда Эней увидел у Турна перевязь и пояс Палланта, он поражает его мечом. В III песне Эней щадит Ахеменида. Таким образом, полнее всех в Энее собраны все основные черты «справедливого демократического вождя».

И Юпитер в «Энеиде», хотя, в отличие от Гомера, не зависит от судьбы, и ему беспрекословно подчиняются боги, однако он не тиран на небе (как Эсхилос Зевс в «Прометее»), в «Энеиде» он заботливый правитель; обзорева свои владения, сушу и моря, он тревожится бедствиями троян¹. Уже давно отмечалось², что собрание богов у Юпитера напоминает заседание сената; Юпитера боги провожают до порога (X, 117). Латин для обсуждения положения созывает «великий совет и знатных из своих» (*primosque suorum* XI, 234). Это собрание Турн и называет *curia* (XI, 380). Даже у Эвандра имеется «бедный сенат» (*pauper senatus*) (VIII, 105). Как контраст героям типа «популярного вождя», Вергилий показывает и традиционный образ «тирана». Это прежде всего Менелай. Враг своей родины, он проявлял невероятную жестокость (VIII, 483—488), за что граждане сожгли его дом, и он бежал из отечества; он сам признает свою вину перед отчизной (X, 853). Он узурпатор, он взял город Агиллину войной (VII, 481); поэтому его окружает горькая ненависть близких, и он просит Энея защитить его тело от своих³; он нечестивец, презритель богов (*contemptor deorum*, VII, 648); он не считается ни с одним богом (*nec divum paremus ulli*, X, 880); для него богом является правая рука и копье⁴. Менее ярок брат Дидоны Пигмалион: он нечестив, превзошел всех своими

¹ I, 224—227. См. Г. Буассье, ук. соч., стр. 240.

² Там же и М. М. Покровский, История римской литературы, М.-Л., 1942, стр. 190.

³ X, 904 сл. Типичная черта тирана, см. С i c., De officiis, II, 723—26; Цицерон приводит в пример агригентского тирана Фаларида, на которого напал весь агригентский народ.

⁴ X, 773; он заставлял умирать медленной смертью (*longa morte*); так обычно поступали тираны; таким выводится Юлий Цезарь в поэме Лукана; в этом смысле высказываются тираны в трагедиях Сенеки, например тиран Лик говорит: «Кто всех наказывает смертью, тот не умеет быть тираном... ты запрещаешь умереть несчастному, приказывай счастливому» (Сенека, Hercules Furens, 511—513). Император Тиберий «считал простую смерть слишком легким наказанием» (Suet., Tiber., 61). Калигула позволял наказывать лишь частыми и слабыми ударами, руководствуясь известным правилом: «Бей так, чтобы он чувствовал, что умирает» (Suet., Calig., 30).

преступлениями; из-за слепой любви к золоту (тоже обычная черта тирана) он убил Сихея; его все жестоко ненавидели и страшно боялись (*odium crudele... metus acer*, I, 361), что очень напоминает известный заимствованный из трагедии Акция лозунг тиранов, часто цитируемый философом Сенекой: «пусть ненавидят, лишь бы боялись» (*oderint dum metuant*).

В плане такой же ангитезы — «справедливый вождь» и «тиран» — оцениваются в «Энеиде» исторические и полусторические вожди и правители, например в «Энеиде» отмечается, что царь Анк Марций хвалился расположением народа (VI, 815), а Тарквиний, названный у Овидия «несправедливым» (*iniustus*), отличался гордостью (*animo superbo*, VI, 817).

Поэтому Брут изгнанием тирана совершил во имя «прекрасной свободы» (*pulchra pro libertate*) патриотический поступок (*vincet amor patriae*, VI, 821—823). Отсюда видно, что любовь к родине у Вергилия соединяется с любовью к свободе и с борьбой против тирании.

Теперь возникает вопрос: какова же социальная функция разнообразных образов героев «Энеиды»? Каково ее отношение к Августу? Этот вопрос не такой простой, как кажется, и решение его, несмотря на многочисленные исследования, не вполне ясно.

Vatry¹ приходит к тому выводу, что целью Энеиды было убедить подчиниться одному вождю; Georgii в своей работе², на которую ссылался Эд. Норден³, отвергает монархическую тенденцию Энеиды на том основании, что сознательная монархическая тенденция противоречила бы республиканской видимости. Сам Эд. Норден утверждает, что Энеида национальна и патриотична, поэтому она и представляет собой «августовский эпос» (ук. соч., стр. 313). Некоторые считали (ук. соч., стр. 250) целью Энеиды успокоить людей, встревоженных потерей свободы, очевидно, прославлением Августа и изображением идеала вождя.

Что Энеида писалась в духе Августа, это несомненно. Известно, как интересовался Август поэмой Вергилия и просил скорее прочесть ему что-нибудь из «Энеиды»⁴. Но был ли Вергилий сознательным монархистом? Вергилий едва ли смотрел в политическую даль, и это не потому, что он «вел, вообще говоря, скромную, отшельническую жизнь», не позволявшую ему расширить политический кругозор; не потому что «его высокопоставленные друзья и покровители не имели оснований посвящать его в тайны нового режима»⁵, а в силу сложившейся политической обстановки. Август дал рабовладельцам желанный мир и спокойствие, установил внешнее «согласие» граждан, о котором мечтал Вергилий. Ему вместе с многими другими рабовладельцами казалось, что республика вовсе не рушится, а, наоборот, приобретает прежний здоровый характер, что и сенат не умалется в своих правах (не случайно, как мы видели, Вергилий не один раз говорит в Энеиде о сенате), что поднимается земледелие, религия, мораль; наступает снова «золотой век». Так освещал политическое положение и сам Август, заявивший в своих «Деяниях», что «он передал государство из своей власти на усмотрение сената и римского народа»⁶. Август рисовался спасителем государства. Если верить Диону Кассию (LX, 5, 4), Август сам хвалился в своей речи, что он спас родину от бед. Таким «спасителем» его считали и граждане. Одна малоазийская надпись

¹ Discours sur la fable de l'Énéide, 1753.

² Die politische Tendenz der Aeneide Virgils, 1880.

³ Ук. выше статья в «Neue Jahrbücher für das klass. Altertum», стр. 250.

⁴ См. об этом, например Schanz, Gesch. d. römischen Literatur, II, 1, стр. 67.

⁵ М. М. Покровский, История римской литературы, стр. 207.

⁶ С. 34. Поэтому и для Горация, тоже призывавшего к прекращению гражданских войн, переход к цезаризму был вполне понятен.

называет Августа «спасителем всего человеческого рода¹». Вот почему Вергилий мог и не быть убежденным монархистом, но восторженно приветствовать Августа. Поэтому вся «Энеида» пронизана тенденциями, которые старался проводить в жизни Август.

Мы видим, что у Вергилия в обрисовке героев «Энеиды» ярко намечается идеал «демократического» вождя в отличие от тирана. Если в «Энеиде» нельзя обнаружить очень явной тенденции за сохранение при Августе свободы, то все же дана отрицательная характеристика тирании (Месенций, Пигмалион), все же Брут совершает деяние во имя «прекрасной свободы» (VI, 821—823), а на щите Энея изображена борьба с Порсеной, намеревавшимся вернуть Тарквиния Гордого, тоже как борьба за свободу (VIII, 648).

Сам Август все время старался показать себя правителем в духе идеала «демократического» вождя. В своих «Деяниях» (гл. 1) он утверждает, что он «вывел государство на путь свободы» (*rem publicam in libertatem vindicavi*); Светоний рассказывает (Aug., 53), что слово «господин» (*dominus*) пугало его как оскорбительное и бранное слово; когда в одном миме актер, обращаясь к нему, произнес фразу: «О господин справедливый и добрый!» и когда народ выразил одобрение этому возгласу, Август на другой день издал эдикт, в котором обуздал эту лесть, и после этого не терпел, чтобы в шутку или всерьез даже дети или внуки величали его господином. В «Деяниях» (гл. 6) Август указывает, что в курии Юлии был возложен в его честь золотой щит с надписью: «сенат и римский народ посвящает его в знак доблести, гуманности, справедливости, благочестия Августа (*virtutis, clementiae, iustitiae, pietatis causa*) — перечислены все качества «демократического» вождя. Далее Август выставляет свою гуманность при завершении всех войн: «По всей вселенной я предпринял на суше и на море гражданские и внешние войны и, победитель, всех оставшихся в живых граждан я пощадил. Чужеземные племена, которым безопасно было простить, я пожелал лучше сохранить, чем уничтожить². О гуманности Августа (*clementia*) говорят и другие источники: Дион Кассий (L, 2,4): «Октавиан после Актийской битвы некоторых пощадил»; Веллей Патеркул (II, 85): «Во время актийской битвы Цезарь тех, которых мог бы уничтожить железом, желал смягчить словами»; «победа была самая милосердная (*clementissima*) и никто не был убит, за исключением очень немногих, которые даже умолять за себя считали для себя невыносимым» (*ib.*, II, 86). Светоний приводит ряд доказательств «гуманности и деликатности» Августа (*clementiae civilitatisque*, Aug., 33, 51). Сенека рассказывает о помиловании Цинны, замышлявшего убийство Августа (*De clem.*, I, 9) и т. д. Таким образом получается образ Августа в духе «популярного вождя», которого обрисовал в «Энеиде» Вергилий.

Но был ли на самом деле Август таким, каким он желал казаться? *Res gestae divi Augusti* (Деяния) не являются вполне объективным источником, так как здесь Август старается представить себя лишь с положительной стороны. Что касается историков императора, то все они — и Дион Кассий и Светоний, — не говоря уже о Веллее Патеркуле, стараются возвеличить Августа, рисуя его гуманным демократическим императором. «справедливым вождем» в противоположность тирану. Однако Август совершал такие поступки, которые противоречили его хваленым качествам.

¹ Gardthause, Augustus, II, 264.

² Гл. 3. Эд. Норден хорошо подметил намек на политику Августа в словах Анхиса о призвании римлян: «щадить покоренных и покорять надменных» (*Aen.*, VI, 851 сл.: *parcere subiectis et debellare superbos*), ук. соч., «Neue Jahrb.», стр. 272.

На это указывает, например Светоний. Он отмечает случаи жестокости Августа: голову Брута он послал в Рим и приказал ее бросить к подножию статуи Цезаря (Aug., 13); после Перусийской войны он не пощадил трехсот сенаторов и «всадников» и велел их зарезать наподобие жертвенных животных у жертвенника, посвященного божественному Юлию (Aug., 15); Август применял проскрипции с большей жестокостью, чем Антоний и Лепид (ib., 27). Далее ходили упорные слухи о безнравственности Августа, о его кощунстве, о его стремлении к роскоши, например о пристрастии к драгоценной утвари и коринфским вазам (ib., 68—70, 71). Даже Светоний, при всем желании, не может опровергнуть все эти слухи и признается, что сластолюбию Август предавался не только в юности, но и позже (ib., 71).

Все эти отрицательные качества Август особенно проявлял в период установления своей власти. Сенека в назидание Нерону называет Августа «мягким принцепсом» (*mitis princeps*), но добавляет: «если бы кто стал его оценивать, начиная с принципата» (*De clem.*, IX, 1); до этого он проявлял жестокость; помилование Цинны произошло, когда Августу исполнилось сорок лет (в 23 г. до н. э.); в молодости же, по словам Сенеки, он «был горяч, пылал гневом, делал многое, от чего с отвращением отворачивал глаза» (ib., X, 4). Отсюда надо думать, что положительные образы героев «Энеиды» служили не только пропагандой демократичности власти и политики Августа, но вместе с тем и объективно, и по замыслу Вергилия имели воспитывающее, назидательное значение для самого Августа, рисовали ему идеал власти. Функция «Энеиды» в известной степени сходна с функцией трактата Сенеки «О гуманности» (*De clementia*), но в «Энеиде» эта функция проявляется в гораздо более слабой степени и в иной форме уже потому, что в «Энеиде» все подано в художественных образах, а не в форме прямых наставлений, как в трактате Сенеки.

Своими образами Вергилий как бы предварял проявление всех положительных черт принцепса. Ведь таким же образом предвосхищались и пропагандировались реформы Августа. Приведем два примера. В тесной связи с идеями патриотизма в «Энеиде» стоит культ пенатов, Весты и ларов. Еще в «Георгиках» Вергилий с любовью говорит о «маленьких пенатах» земледельца, которых тот поддерживает своим трудом (II, 514). В «Энеиде» пенаты играют «ведущую» роль. Но Август учредил культ пенатов и Весты на Палатине лишь 28 апреля 12 г. до н. э., когда он сделался «великим понтификом»¹; однако идеи, проекты реформ (как правильно заключает Эд. Норден) были намечены раньше, и пропаганда этих культов в «Энеиде» не была лишь заказом принцепса, но, как видно из «Георгик», вытекала из настроения самого Вергилия, который этим напоминал Августу о необходимости их проведения. Второй пример — законы об укреплении семьи. Эти законы (*lex Julia de maritandis ordinibus*, *lex Papia Poppaea*) были изданы позже выхода в свет «Энеиды» (в 18 и в 9 г. до н. э.), но уже в «Энеиде» пропагандируется крепость семейных устоев, возврат старинных семейных отношений. Здесь я позволю себе несколько дополнительных замечаний к моим прежним наблюдениям². Эней — прекрасный семьянин, любящий своих отца, сына, жену; в «Энеиде» бросается в глаза любовь отцов и детей; она показывается особенно путем смерти детей на глазах отцов (Приам и Полит, Лавс и Месенций, Эвандр и Паллант); может быть, немотивированное появление детей Лаокоона, к которым он спешит на помощь, также вызвано целью показать трагизм смерти детей на глазах отца (Aen., II, 214). Подчеркивается верность жены мужу: Андромаха

¹ См. Эд. Норден, ук., соч., *Neue Jahrb.* стр. 275 сл.

² Об этом см. в моей вступительной статье в издании перевода «Энеиды», «Academia», 1933. стр. 18—19.

остается верной своему Гектору (Aen., III, 301), Дидона мучается, что нарушает верность своему покойному мужу Сихею. Вергилий всякую любовь прикрывает целомудренным названием «брака»: Дидона называет свои отношения с Энеем «браком»; этим именем она прикрыла свою вину (IV, 172); в самом описании момента «брака» Heinze (ук. соч., стр. 359) верно отмечает выдержанность героического стиля описания, но замечательна и целомудренная завуалированность рискованного момента («блеснули огни, заулюлюкали на вершине нимфы»...).

В 6-й песне «Энеиды» снова подчеркивается супружеская верность. Дидона в подземном царстве остается глуха и к речам Энея и убегает «в тенистую рощу, где ее прежний супруг Сихей отвечает ей равной любовью» (VI, 473 сл.). Венера действует на Вулкана супружескими ласками (VIII, 406). Вулкан уснул в объятиях жены перед рассветом и далее, — как точнее определяется время? — «когда еще сидит за своей пряжей бедная женщина и трудится, чтобы сохранить в целомудрии ложе своего мужа и воспитать своих маленьких детей» (VIII, 412 сл.). Можно еще добавить, что и Синон старается воздействовать на семейные чувства троян; ему не увидеть «милых детей и желанного отца» (II, 138) и т. д. Таким образом, Вергилий и в отношении семьи заранее как бы подготовлял намечаемые реформы и эта пропаганда, как и в отношении пенатов, не была лишь заказом Августа, но вытекала из идеологии самого Вергилия, что видно из идеализации семейной жизни и в «Георгиках».

Так и образы вождей в «Энеиде» напоминали Августу то качество власти, к которому он должен был стремиться.

Из всех героев «Энеиды» по своему идеалу наиболее близок к Августу Эней. Правда, и некоторые другие личности в «Энеиде» обладают чертами, близкими к Августу.

Эней — основатель и строитель городов — Энеады, Пергама и в конечном итоге Рима. Август тоже в сущности основатель нового города Рима; в своем эдикте сенату (переданном нам Светонием, Aug., 28), он высказывает желание «установить государство на его основе целым и невредимым (*sistere in sua sede*), чтобы быть творцом (*auctor*) лучшего порядка (*optimi status*) и, умирая, унести с собой надежду, что «заложенные основания государства (*fundamenta rei publicae*) останутся на своем месте». Эней с помощью Сивиллы спускается в подземное царство, где узнает судьбу своего потомства; перед этим он говорит Сивилле: «Затем я из крепкого мрамора сооружу храм Фебу и Тривии и по имени Феба установлю праздничные дни. Тебя также ожидают в нашем царстве великие чертоги, ибо там я положу для моего рода твои пророчества, тайные судьбы и изречения»... (Aen., VI, 69—73). Август, как нам сообщает Светоний (Aug., 31), велел сжечь все греческие и латинские пророческие книги, — все, кроме Сивиллиных книг, которые он, сделавшись великим понтификом, приказал спрятать в двух золотых ларцах у пьедестала храма Палатинского Аполлона¹. В отличие от погребальных игр в «Илиаде» Эней на погребальных играх в честь Анхиса устраивает «троянские игры»². И Август часто устраивал «троянскую игру», в которой принимали участие юноши и девушки (Suet., Aug. 43). Светоний, указав на любовь Августа к «троянским играм», приводит рассказ и о том, что Август на этих играх наградил Нония Аспрената, искалеченного при падении, золотым ожерельем (*aureo torque*) и позволил ему самому и его потомкам носить прозвище «Торквата» (Suet. Div. Julius, 43). Вергилий такой же красивый жест во время троянских игр приписывает Энею: Нис при состязании поскользнулся и упал в на-

¹ См. примечание Эд. Нордена в его издании VI песни Энеиды, стр. 142.

² Aen., V, 600—603, см. Heinze, ук. соч., стр. 154—156.

воз и в священную кровь (Aen., V, 333). Это отклик Илиады (п. XXIII, 774 сл.): Аякс при состязании упал в бычий навоз. Но у Вергилия Нис, продолжая бег, опрокинул Салия и этим дал возможность своему другу Эвриалу притти первым. Эней награждает и упавшего Салия шкурой гетулийского льва с гривой и золотыми когтями, а потом и упавшего Ниса одаряет щитом (Aen., V, 351).

Далее Эней ведет себя в духе стоической философии¹, которую, как мы видели, воспринял Вергилий еще в период «Георгик». Эней, как показывает Эд. Норден (Aen., VI, 153), употребляет, говоря о своих действиях, даже термины стоиков². Август все время увлекался философией; он общался с философом Ареем и его сыновьями (Suet., Aug. 89, 11); он написал «Побуждения к философии» (Hortationes in philosophiam, (ib., 85). Мало этого, Heinze³ убедительно доказывает, что Вергилий изобразил в «Энеиде» Энея, «становящимся героем» в стоическом духе, постепенно приобретающим все качества стоического мудреца и стоическое совершенство. Мы можем дополнить, что такое развитие характера Энея вполне согласуется с любимым Вергилием приемом градации, проходящим через всю «Энеиду». Если это верно, то такая характеристика Энея могла служить назидательным прототипом для Августа.

В заключение сравнения Энея и Августа хочется указать и на то, что как Эней сразил Турна и этим окончил войну, так и Август, победив Антония, водворил мир. Не хотел ли Вергилий представить в образе Турна Антония? Но это требует особого исследования.

Подведем основные итоги. Мы видели, что в Риме проблема единовластия обострилась с приходом Октавиана к власти и подверглась обсуждению, причем в этом обсуждении было использовано греческое политическое учение о «демократическом вожде» и «тиране». Эта теория, в ее римской форме осложненная ролью сената, была усвоена и Вергилием; она ярко выражается в его характеристике героев и других исторических и полуисторических лиц в «Энеиде», а также в его отношении к Августу. Власть последнего Вергилий приветствовал, исходя из характера своего патриотизма, связанного с «согласием» граждан после прекращения гражданской войны и борьбой за свободу против тирана. Идеал вождя, главным образом образ Энея, обрисованный Вергилием, не столько отвечал «заказу» Августа, желавшего казаться «демократическим вождем», а не тираном, сколько вытекал из убеждений самого Вергилия. Этим подчеркивается политическое значение «Энеиды»; в художественных образах она пропагандирует тот характер власти, какой римские рабовладельцы хотели видеть в неизбежно сложившейся военной диктатуре.

¹ См. Heinze, ук. соч., 273—277.

² К параллелям к стоическому термину *praecipere* «предвосхищать», указанным Норденом, можно добавить цитату из писем Сенеки (13,5): *aut augemus dolorem aut fingimus aut praecipimus*.

³ Ук. соч., стр. 274 сл., недоверие к этому выводу Шанца (Gesch. d. röm. Literat, II, 1, § 234) неосновательно.